

**THE MAN WITH
THE TWISTED
LIP**

**ЧЕЛОВЕК
С РАССЕЧЁННОЙ
ГУБОЙ**

I

I sa Whitney, brother of the late Elias Whitney, Principal of the Theological College of St. George's, was addicted to opium. He developed a habit, as I understand, when he was at college. He found, as so many people before him, that it is easier to start than to stop smoking it, and for many years he continued to be a slave to the drug, and his friends and relatives felt horror and pity for him at the same time. I can see him now, with yellow, pale face, the wreck and ruin of a noble man.

One night my door bell rang, about the hour when a man yawns and glances at the clock. I sat up in my chair, and my wife laid her needle-work down and made a disappointed face.

“A patient!” said she. “You’ll have to go out.”

I sighed, because I’ve just come back from a hard day.

We heard the front door open, a few hurried words, and then quick steps upon the linoleum. Our own door opened, and a lady, dressed in

I

Айза Уитни, брат покойного Элиаса Уитни, ректора Теологического колледжа Святого Георгия, пристрастился к опиуму. Зависимость эту он приобрёл, как я понимаю, ещё когда был в колледже. Он обнаружил, как и многие другие до него, что начать курить гораздо легче, чем бросить, и много лет был рабом наркотика, вызывая у друзей и родных одновременно и ужас, и жалость. Я так и вижу перед собой его землистое бледное лицо — жалкая развалина благородного человека.

Однажды вечером зазвонил дверной колокольчик, в то время, когда уже начинаешь зевать и поглядывать на часы. Я выпрямился в кресле, моя жена положила шитьё на колени и сделала разочарованное лицо.

— Пациент! — сказала она. — Придётся тебе выйти.

Я вздохнул, потому что только что вернулся домой после трудного дня.

Мы услышали, как открывается передняя дверь, потом перешёптывание и быстрые шаги по линолеуму. Наша дверь распахнулась,

dark-coloured clothes, with a black veil, entered the room.

“Excuse me for coming so late,” she began, and then, suddenly losing her self-control, she ran forward to my wife and sobbed upon her shoulder. “Oh, I’m in such trouble!” she cried; “I need help so much!”

“It is Kate Whitney,” said my wife, pulling up her veil. “How you frightened me, Kate! I had no idea who you were when you came in.”

“I didn’t know what to do, so I came straight to you.” It was always like that. People who were in trouble came to my wife like birds to a light-house.

“It was very sweet of you to come. Now, you must have some wine and water, and sit here comfortably and tell us all about it. Or would you like me to send James off to bed?”

“Oh, no, no! I want the doctor’s advice and help, too. It’s about Isa. He has not been home for two days. I am so frightened about him!”

It was not the first time that she had spoken to us of her husband’s trouble, to me as a doctor, to my wife as an old school friend. We

и в комнату вошла леди, одетая в тёмное и в чёрной вуали.

— Извините меня за столь поздний визит, — начала она, а затем, внезапно теряя самообладание, бросилась к моей жене и зарыдала у неё на плече. — О, я в такой беде! — вскрикнула она, — мне так нужна помощь!

— Это Кейт Уитни, — сказала жена, поднимая её вуаль. — Как ты напугала меня, Кейт! Я и понятия не имела, что это ты.

— Я не знала, что делать, поэтому пришла прямо к тебе.

Вот так всегда и было. Люди, которые находились в беде, летели к моей жене, как птицы к маяку.

— Очень мило, что ты пришла. А теперь выпей вина с водой, садись поудобнее и расскажи нам, что случилось. Или ты хочешь, чтобы я отправила Джеймса спать?

— О, нет, нет! Помощь и совет доктора мне тоже нужны. Это насчёт Айзы. Он не был дома уже два дня. Я так тревожусь о нём!

Уже не первый раз она говорила с нами о неприятностях своего мужа: со мной — как с врачом, с моей женой — как со старой

The Man with the Twisted Lip

---

tried to find the words to comfort her. Did she know where her husband was? Was it possible that we could bring him back to her?

It seems that it was. She had the surest information that lately he had used an opium den in the east of the City. So far his absence had always been limited with one day, and he had come back, twitching and exhausted, in the evening. But now the spell had been upon him eight-and-forty hours, and he lay there, doubtless among the dregs of the docks, breathing in the poison or sleeping off the effects. There he could be found, she was sure of it, at the Bar of Gold, in Upper Swandam Lane. But what was she to do? How could she, a young and modest woman, come to such a place and pluck her husband out from among the dregs who surrounded him?

There was the case, and of course there was only one way out of it. Could I accompany her to this place? And then, as a second thought, why should she come at all? I was Isa Whitney's doctor, and so I had influence over him. I could do it better if I were alone. I gave her my word that I would send him home in a cab within two hours if he were indeed at the address which she had given me. And so in ten minutes I left my armchair and cheerful sitting-room behind me, and was speeding to the east in a cab on

школьной подругой. Мы попытались успокоить её. Знает ли она, где муж? Можем ли мы его вернуть?

Оказалось, что можем. Она знала наверняка, что в последнее время он посещал опийный притон в восточном конце Сити. До сих пор его отсутствие всегда ограничивалось одним днём, и он возвращался вечером — в изнеможении, совершенно разбитый. Но на сей раз приступ растянулся на сорок восемь часов, и он, несомненно, лежал в компании портовой швали, вдыхая яд или отсыпаясь после одури. Там его и можно найти, она была уверена в этом, в «Золотом слитке» на Аппер-Свондам-лэйн. Но что она могла сделать? Как могла она, молодая и скромная женщина, отправиться в такое место и вырвать своего мужа из окружающего его сброда?

Вот так и обстояло дело, и, конечно, выход был только один. Не мог бы я сопроводить её в этот притон? Впрочем, зачем ей вообще туда идти? Я был врачом Айзы Уитни и, таким образом, имел на него влияние. Я мог бы сделать всё лучше, если бы действовал один. Я дал ей слово, что отошлю её мужа домой в кэбе в течение двух часов, если он действительно находится по адресу, который она мне дала. И через десять минут я покинул своё кресло и уютную гостиную и устремился на восток в

a strange commission, as it seemed to me at the time, though the future only could show how strange it was to be.

But there was no great difficulty in the first stage of my adventure. Upper Swandam Lane is a disgusting street hiding behind the high docks which line the north side of the river to the east of London Bridge. Between a slop-shop and a gin-shop, there were steep steps leading down to a black gap like the mouth of a cave. There I found the den I was looking for. Ordering my cab to wait, I passed down the steps, with a hollow in the centre, made by thousands of drunken feet. By the light of an oil-lamp I found the door and entered a long, low room, thick and heavy with the brown opium smoke, and full of wooden beds, that reminded me of an emigrant ship.

Through the dark one could notice bodies lying in strange fantastic poses, bowed shoulders, bent knees, heads thrown back, and chins pointing upward, with here and there an eye turned upon the newcomer. The most lay silent, but some muttered to themselves, and others talked together in a strange, low, monotonous voice, their speech began and then suddenly stopped, each mumbled out his own thoughts and paid no attention to the

кэбе — выполнять странное поручение, каким оно показалось мне тогда, хотя только будущее могло открыть, насколько странным всё было на самом деле.

Первая часть моего приключения прошла без особых затруднений. Аппер-Свондам-лэйн — это отвратительная улица, скрывающаяся за высокими доками, которые тянутся по северной стороне реки к востоку от Лондонского моста. Между магазином дешёвого платья и кабаком были крутые ступеньки, ведущие вниз в чёрную дыру, похожую на вход в пещеру. Там я и нашёл притон, который искал. Велев кэбмену меня ждать, я спустился вниз по ложбинке, сделанной тысячами пьяных ног. При свете масляной лампы я нашёл дверь и вошёл в длинное, низкое помещение, заполненное густым, тяжёлым коричневым опийным дымом и деревянными кроватями, что напомнило мне об эмигрантском корабле.

Сквозь тьму можно было заметить тела, лежащие в странных фантастических позах: плечи сгорблены, колени поджаты, головы откинута назад, подбородки торчком; тут и там виднелись глаза, обращённые на вновь прибывшего. Большинство людей лежало молча, но некоторые что-то бормотали себе под нос, другие разговаривали странными, низкими, монотонными голосами, их речь обрывалась так

words of his neighbor. At the end was a small brazier, beside which on a three-legged wooden stool there sat a tall, thin old man, with his face resting upon his two fists, and his elbows upon his knees, staring into the fire.

As I entered, a Malay servant had hurried up with a pipe for me, showing me the way to an empty place.

“Thank you. I have not come to stay,” said I. “There is a friend of mine here, Mr. Isa Whitney, and I wish to speak with him.”

Somebody moved and exclaimed on my right, and looking through the dark I saw Whitney, pale, exhausted, and unkempt, staring out at me.

“My God! It’s Watson,” said he. He was in a terrible state and seemed very nervous. “I say, Watson, what time is it?”

“Nearly eleven.”

“Of what day?”

“Of Friday, June 19th.”

же внезапно, как начиналась, каждый бормотал какие-то свои мысли и не обращал внимания на слова соседа. В конце находилась маленькая жаровня, около которой на трёхногом деревянном табурете сидел высокий, худой старик; оперев голову о кулаки, а локти — о колени, он смотрел на огонь.

Когда я вошёл, слуга-малаец поспешил протянуть мне трубку, показывая путь к пустому месту.

— Спасибо. Я не намерен оставаться, — сказал я. — Здесь находится мой друг, мистер Айза Уитни, и я хочу поговорить с ним.

Справа от меня кто-то шевельнулся и воскликнул. Всматриваясь сквозь тьму, я увидел Уитни — бледного, измождённого и неопрятного; он смотрел на меня.

— Мой бог! Это Уотсон, — сказал он. Он был в ужасном состоянии и казался очень возбуждённым. — Послушайте, Уотсон, который час?

— Почти одиннадцать.

— А какой день?

— Пятница, 19-ое июня.